

Вырезка из газеты

Т Р У Д

от

15 АПР 42

Москва

Свердловская Газета №

Счастье советского художника

...Исполнение симфонии подходило к концу. Дирижер медленно перевернул последнюю страницу партитуры третьей части симфонии. Финал начался без перерыва. В это время в городе была объявлена воздушная тревога. Публика в Колонном зале не слыхала сигналов сирены и заводских гудков — она слушала музыку Шостаковича. Но, по правилам, в момент объявления тревоги концерт необходимо было приостановить. И вот на эстраде появляется человек. Он пробирается к дирижеру, что-то шепчет ему. Увлеченный музыкой, Самосуд с досадой отмахивается от назойливого человека и продолжает дирижировать.

Публика сразу поняла смысл происходящей сцены. Все же ни один человек не поднялся с места, никто не ушел из зала. Симфония продолжалась, и человек вынужден был ретироваться с эстрады. Прошло несколько минут. Бурные, нескончаемые овации, которым, казалось, не будет конца, раздались в зале после окончания музыки.

Этот небольшой эпизод на концерте войдет в биографию самой 7-й симфонии Шостаковича, биографию, нужно сказать, для симфонии, вовсе необычную и просто редчайшую. 7-я симфония Шостаковича была начата в суровые дни героической обороны Ленинграда под звуки оружейной канонады и грохот наших зениток. И вот сейчас, с первых исполнений симфония получила свое «боевое крещение». Поищите в мировой музыкальной литературе произведение, которому так повезло: вышло бы, как 7-й симфонии Шостаковича!

Но самое замечательное, что случай в Колонном зале, можно сказать, имеет самое непосредственное отношение к содержанию исполнявшейся симфонии. О чем в конце концов говорит этот маленький, но характерный и типичный случай? В нем нашли отражение бесстрашие и гордость советских людей, их ненависть и презрение к врагу, их всепоглощающая страсть к искусству. Но ведь именно об этом и написана 7-я симфония Шостаковича! В этом ее смысл, ее содержание. В мирную жизнь советского человека, жизнь полную содержательного, творческого труда и борьбы ворвался не-

истовствующий шквал войны. Фашистские орды осквернили нашу землю. Огнем и мечом они намереваются уничтожить наши города и села, наши заводы и дворцы культуры, лишить нас свободы. Но не дрогнул советский человек, не испугался. В пламени народной войны закалилась его воля, его бесстрашие, его вера в жизнь. Он гонит и выгонит со своей земли озверелого и гнусного захватчика, завоюет победу над ненавистным врагом.

Такова идея, такова программа 7-й симфонии. Слушатели Колонного зала поняли этот смысл, это глубочайшее содержание чудесной симфонии; они дослушали ее до конца. Они поняли своего композитора, ибо композитор понял свой народ и выразил в музыке его чувства и мысли, чаяния и надежды. И потому такое быстрое и всеобщее признание получила эта симфония, потому такими овациями сопровождается каждое ее исполнение, потому по праву удостоена она ныне высшей награды — Сталинской премии первой степени.

Эта симфония дорога любому советскому слушателю. Она будет понятна всем свободолюбивым народам мира — гордому славянину и гражданину свободной Франции, суровому партизану Норвегии и стонущему под фашистским игмом греку. В этом мировое значение 7-й симфонии.

Питомец Ленинграда, страстно влюбленный в свой родной город, Дмитрий Шостакович вместе с тем выученик всей советской страны. Он воспитан на величайших идеалах гуманизма, которые нашли свое воплощение в советской действительности. Это пытливый и всегда идущий вперед художник-новатор. Шостакович вобрал, впитал в себя все то, чем полна и богата жизнь нашей родины. Советская страна создала, воспитала Шостаковича, пригодила, подвела его к созданию его 7-й симфонии.

Это музыкальное произведение навсегда останется одним из замечательнейших художественных памятников эпохи великой отечественной войны. Многие ставят эту симфонию рядом с величайшими симфоническими образцами прошлого, вровень с симфониями Чайковского. И это вполне справедли-

во, ибо и симфония Чайковского и симфония Шостаковича — явились для своей эпохи совершенным выражением жизни народа. Да, в 7-й симфонии так же, как в ряде других своих последних произведений, Шостакович все ближе и ближе подходит к симфонизму Чайковского. Музыкальный язык Шостаковича становится более простым и доходчивым.

В 7-й симфонии Шостакович продолжает традиции корифеев русской музыки. Но, продолжая традиции великих предшественников, Шостакович в своем творческом обличье является симфонистом нового типа, новой формации. Чайковский в одном из писем когда-то так расшифровал программу финала своей 4-й симфонии (построенного, как известно, на народной песне «Во поле березинька стояла»):

«Если ты в самом себе не находишь мотивов для радостей, смотри на других людей. Ступай в народ... Веселись чужим весельем. Жить все-таки можно!»

Глубочайшие нити близости связывали великого Чайковского с русским народом. Но в условиях царской России горькое и мучительное чувство одиночества снесало композитора.

Этой раздвоенности, этой оторванности и отчужденности не знает, не ощущает советский художник ни в жизни, ни в своем творчестве. Наоборот, именно близость, спаянность с народом определяет, наиболее ярко и полно характеризует положение и самочувствие советского писателя и музыканта, живописца и поэта. И скорби народа, и радости его — это всегда скорбь и радость и для подлинного художника Советской страны. Ими он живет. Ими полно его сердце.

Сталинские премии, которыми щедро награждают у нас от имени народа лучших советских художников, — это не только знаки благодарности и всеобщего признания. Это вместе с тем выражение горячих чувств народа, его неустанной заботы о своем искусстве, о людях этого искусства. Дело искусства в нашей стране стало делом народа. И в этом величайшее счастье советского художника.

М. ГРИНБЕРГ.